

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-145-171

«ХОЧУ БЫТЬ ПРОФЕССОРОМ ФИЛОСОФИИ»... ИСТОРИЯ ОДНОГО «ПРОЕКТА» И.С. ТУРГЕНЕВА

В.В. Ванчугов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена начальному этапу творческого пути И.С. Тургенева, когда он намеревался посвятить себя занятиям философией. В первой части историко-философского исследования представлен студенческий этап жизни, приобщение Тургенева к университетскому курсу философии сначала в Московском, затем в Петербургском университетах. В Московском университете это произошло благодаря профессору М.Г. Павлову, последователю шеллингианской философии, читавшему физику в натурфилософском формате. В Петербургском университете Тургенев слушает курс лекций по метафизике А.А. Фишера, который одним из первых приступил к чтению философии в соответствии с уваровской идеологической триадой «православие, самодержавие, народность». Во второй части рассматривается зарубежный период. Окончив курс по филологическому факультету С.-Петербургского университета в 1837 году, весной следующего года Тургенев отправляется «доучиваться» в Берлин, будучи убежденным, что в России возможно только набраться некоторых приговорительных сведений, а источник настоящего знания находится за границей. Здесь он изучал древние языки, историю, постигал философию Гегеля под руководством профессора Вердера. После прибытия в университет Шеллинга слушает его лекции и готовит для российского журнала перевод некоторых разделов его учения. Завершающая часть статьи дает представление об обстоятельствах попыток получения степени магистра, занятия кафедры философии. В начале 1842 года, предоставив диплом на степень кандидата, данный ему от Петербургского университета, Тургенев просил Совет Московского университета допустить его к испытанию на степень магистра философии, имея намерение занять пустующую здесь долгое время кафедру философии. Потерпев неудачу в Москве, отправляется в Петербург, где сдает соответствующие искомым степени экзамены. Однако не предоставив требуемую для подобной процедуры диссертацию, не получает ученую степень магистра философии и в дальнейшем целиком посвящает себя литературной деятельности, сохранив интерес к философским проблемам, которые будут решаться им уже в прозаическом формате.

Ключевые слова: образование, университет, студент, кандидат, магистр, профессор, кафедра, учебный процесс, экзамен, лекция, идеология, философия

Вспоминая свое знакомство с Иваном Сергеевичем Тургеневым и последующее общение (зимой 1877/78 гг.), П.А. Кропоткин отметил, что, желая развить мысль, тот не прибегал к аргументам, хотя был мастер вести философский спор, а говорил, как и писал, — образами [12. С. 397] (1). Однако было время, когда Тургенев, желая развить мысль, предпочитал прибегать к аргументам и намеревался принимать участие в ведении философских споров в академической среде.

Детство его прошло в имении Спасское-Лутовиново, что неподалеку от Мценска Орловской губернии, но чтобы дать детям образование, Тургеневы затем поселились в Москве. Вскоре отец заболел, и доктора посоветовали ему отпра-

виться за границу, чтобы сделать там операцию. Поместив детей — Ивана и Николая — в пансион Вейденгаммера, он уехал с женой в Париж. Пансион размещался на углу Гагаринского переулка и Староконюшенной, с небольшим числом приглашенных педагогов, главным образом из лиц, служивших в Воспитательном доме. Содержатель пансиона Иван Иванович (Иоганн-Фридрих) Вейденгаммер служил учителем Университетского благородного пансиона и инспектором Воспитательного дома. Его пансион был одним из многих частных заведений для воспитанников мужского пола, предназначенных для подготовки к вступлению в военную и статскую службу. О пребывании Ивана в пансионе почти ничего не известно, и только в рассказе «Яков Пасынков» (1855) упоминается частный пансион немца Винтеркеллера, где и можно найти мелкие детали быта (2).

После кратковременного пребывания сыновей еще в одном пансионе Краузе начались их занятия дома с приглашенными учителями. Сообщая о них в письмах дяде Николаю Николаевичу Тургеневу (в марте и апреле 1831 г.), Иван, в частности, отметил: «Вторник, 31-го марта. Утром приехал к нам г-н Дубле; композиция моя была „L'Homme vain“ (3) и окончание Мирабо речи /.../. После был г-н Платон Николаевич. Из алгебры мы делали задачи /.../. Пообедавши, был г-н Щюровский. Мы говорили после класса, как ты думаешь, о чем: о философии!.. еще более... мы углублялись в глубочайшую премудрость и пр. и пр.» [6. С. 124].

Этому разговору о философии тринадцатилетний Иван обязан был Григорию Ефимовичу Щуровскому. Выходец из московской мещанской семьи, из-за бедности отдан был матерью в Воспитательный дом, где и получил фамилию от купца Щурова, пожертвовавшего деньги на его воспитание. Отучившись в гимназии при Воспитательном доме, в 1822 году Григорий был определен опекуном советом на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1826 году со званием лекаря 1-го отделения, после чего был оставлен для подготовки к экзамену на степень доктора медицины, одновременно давая уроки в пансионе Вейденгаммера. Еще будучи студентом, он посещал лекции и на физико-математическом отделении, в основном — по химии, физике, зоологии и ботанике, и среди преподавателей особое внимание его привлек Михаил Григорьевич Павлов — доктор медицины и ординарный профессор физики, минералогии и сельского хозяйства, известный современникам как апологет и агитатор философии Шеллинга.

Помимо круга наук по своей кафедре, Павлов читал в разное время также физику, исходя при этом из преимущества «умозрительного» научно-философского метода исследования перед «эмпирическим» [14. С. 1—41]. Этот подход демонстрируется и в издаваемом им журнале «Атеней» (1828—1830), где печатались его сочинения по философии и физике (4). А.И. Герцен, учившийся в университете с 1829 по 1833 г., указывал в воспоминаниях («Былое и думы». Часть четвертая), что германская философия была привита Московскому университету Павловым, который преподавал введение к философии вместо физики и сельского хозяйства, при этом «физике было мудро научиться на его лекциях, сельскому хозяйству — невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны. Стоя в дверях физико-математического отделения, он останавливал студентов вопросом:

„Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?“», и в ответ на эти вопросы Павлов далее излагал учение Шеллинга и Окена. Щуровский и был как раз одним из таких студентов, оказавшихся под натурфилософским воздействием Павлова (5). А потому нам понятны отчеты Ивана любимому дяде о ходе занятий весной 1831 года: «Суббота, 4-го февраля. Утром от 8-10 был — латинский учитель: толковал урок, написал очень хорошо, и начались рассуждения о медицине, о натуре, о философии; словом, г-н Щюрковский есть философ» [6. С. 128]; «После обеда был г-н Щюрковский, учитель латинского и философии. Он занимался с нами, и я получил „очень хорошо“» [Там же. С. 129]. Вряд ли что понимал из сказанного о философии Иван Тургенев, однако можно с уверенностью сказать, что, благодаря этому наставнику, он имел на тот момент исключительно положительные впечатления.

Летом 1833 года Тургенев готовится к поступлению в университет, и о его жизни в этот период можно получить представление по повести «Первая любовь» (1860): «Я жил в Москве у моих родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, против Нескучного. Я готовился в университет, но работал очень мало и не торопясь» [8. С. 304]. Тем временем в университете готовились к выходу в жизнь студенты старших курсов. По результатам выпускных экзаменов на отделении физических и математических наук и диссертационному сочинению «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» студенту Герцену присуждена серебряная медаль и звание кандидата. А в торжественном собрании университета профессор отделения словесных наук Н.И. Надеждин произнес речь «О современном направлении изящных искусств», в которой особое внимание уделялось проявлению «духа народности»: «Теперь уже как необходимое следствие сей естественности является равно могущественное современное направление современного героя к народности, составляющее также отличительный признак его вырабатывающейся физиономии. Разумею под народностью то патристическое одушевление изящных искусств, которое, питаясь родными впечатлениями и воспоминаниями, отражает в своих произведениях родное благодатное небо, родную святую землю, родные драгоценные предания, родные обычаи и нравы, родную жизнь, родную славу, родное величие» [17. С. 346—347].

Этот год стал знаменательным годом для внутренней политики в целом и системы образования в частности, где начался переход обучения на новые «начала». Министерство народного просвещения в марте возглавил С.С. Уваров. Годом ранее, еще будучи заместителем Ливена, он сделал набросок письма, чтобы представить императору свои соображения относительно принципов внутренней политики, в которой немаловажную роль играло и его ведомство: чтобы отечество усиливалось и благоденствовало, следует придерживаться трех «великих государственных начал» — «национальной религии», «самодержавия» и «народности». Эта триада повторяется и в отчете о ревизии Московского университета, представленном императору 4 декабря 1832 года, где Уваров сообщает о необходимости наличия у нас «правильного, основательного» образования, которое следует соединить «с глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские

охранительные начала православия, самодержавия и народности» (6). Ну а после вступления в полное управление министерством в циркулярном предложении, предназначавшемся для попечителей всех учебных округов, до сведения причастных к ведомству лиц доносилось, что их общая обязанность состоит в том, «чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности» [4. С. XLIX—L. (С. XLIX)] (7).

Министр выразил уверенность, что каждый профессор и наставник, проникнувшись одним и тем же чувством «преданности трону и отечеству», использует все свои силы и дарования, чтобы сделаться «достойным орудием правительства и заслужить полную доверенность оно́го»; что всяк на своем месте доведет преподавание вверенной ему науки или ремесла до совершенства, «посвящая всего себя на образование юношества» [4. С. L]. Так Уваров сразу же четко определил, каковы критерии истинного просвещения для тех, кто работает, точнее, служит отечеству по его ведомству: образование юношества в духе «охранительных начал», изучение всего и вся таким образом, чтобы прошедшие высшую школу оставались приверженцами «православия, самодержавия и народности» всю свою сознательную жизнь.

Так что Ивану Тургеневу предстояло вступить в «обновленный» университет. В середине июня отец отправляется к помощнику попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастову с просьбой разрешить Ивану, не достигшему 15 лет, держать вступительные экзамены в университет. На эту просьбу Голохвастов отвечает отказом, ссылаясь на правила Министерства народного просвещения от 18 марта 1831 г., согласно которым в студенты должны приниматься юноши не моложе 17 лет. Тогда С.Н. Тургенев ходатайствует за сына перед директором училищ Московской губернии М.А. Окуловым. Тот посещает Голохвастова, но в итоге получает ответ, что без особенного приказания министра он сделать этого не может.

Тогда Окулов отправляет Уварову письмо: «Был у меня вчерась Сергей Николаевич Тургенев. Я не знаю, знаете ли вы его, но вот в чем дело состоит: у него два сына, которых он готовил к военной службе, но меньший оказал столь великие успехи и страсть его столь велика к занятиям, что он никак и слышать не хочет о военной службе и хочет быть употреблен по статским делам и теперь желает продолжать учение в Университете. Сам же Тургенев едет в Петербург записывать старшего в Гвардии, а меньшого желал бы оставить здесь и чтобы он ходил в Университет слушать лекции и чтобы слушал оные, когда выдержит экзамен; а он мальчик таковых познаний, что не только такого рода экзамен, но даже почти может выдержать экзамен для выпуска» [5. С. 44—45]. В итоге в августе Иван пишет прошение в Правление университета о включении его после надлежащего испытания «в число своекоштных студентов по Словесному отделению», где указывает, что «от роду мне шестнадцатый год», хотя на самом деле ему 14 лет и 11 месяцев. Также в своем прошении он сообщал, что в доме своих родителей он обучался «закону божию, языкам: российскому, латинскому, немецкому, французскому, английскому, арифметике, алгебре и геометрии, физике, истории и географии» [6. С. 340].

В университетах второй год действовали новые правила о вступительных экзаменах, обязывавшие поступающих из числа получивших домашнее образование показывать «равные познания с теми, кои с успехом окончили учение в гимназии». Дело в том, что 9 ноября 1831 г. был опубликован императорский указ министру народного просвещения, из которого следовало, что до сведения монарха дошло, что в университеты часто поступают молодые люди без надлежащих предварительных познаний, отчего они не в состоянии следовать за чтением лекций, и потому вместо приобретения высшего образования теряют понапрасну время. Так что указ предписывал: «Повелеваю вам принять меры и строго блюсти, чтобы впредь в студенты университетов никто не был принимаем, не окончив в гимназиях полного курса положенных наук, не получив одобрительного о том свидетельства; тех же, кои, обучаясь дома у родителей своих, или в частных пансионах, пожелают вступить в университет, подвергать строгому испытанию во всех предметах полного гимназического учения и тогда только принимать в студенты, когда окажут равные познания с теми, кои с успехом окончили учение в гимназиях» [22. С. 458—459].

В сентябре экзамены были успешно выдержаны, и по решению Совета от 20 сентября 1833 г. Тургенев зачислен своекоштным студентом. Далее ему пришлось дать подписку в том, что он «ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее не принадлежит и никаких сношений с ними не имеет», а лейб-гвардии отставной штабс-капитан Николай Алексеевич Теплов поручился за то, что студент Иван Тургенев во время своего нахождения в университете будет являться в предписанной от начальства форменной одежде и своим поведением не нанесет начальству никакого беспокойства (8).

В университете в это время числилось 56 профессоров и преподавателей, обучавших 541 студента. По Уставу 1804 г. университет делился на четыре отделения: нравственных и политических наук; физических и математических наук; врачебных или медицинских наук; словесных наук, и последнее состояло из «профессорских кафедр»: красноречия, стихотворства и языка российского; греческого языка и словесности греческой; древностей и языка латинского; всемирной истории, статистики и географии; истории, статистики и географии Российского государства; восточных языков; теории изящных искусств и археологии. За первый общеобразовательный курс Тургенев прослушал русскую словесность, всеобщую историю, физику, латинский и французский языки. Позднее в «Автобиографии» (9) он сообщал, что «слушал профессоров Погодина», «старика Победоносцева, державшего студентов на ломоносовских похвальных речах и задававшего им „хрию“», а также Павлова, «последователя шеллинговской философии, читавшего по ней физику».

Однако пребывание Тургенева в Московском университете было непродолжительным. Прослушав общеобразовательный курс, он приступает в конце мая — начале июня 1834 г. к сдаче переходного экзамена, а в это время С.Н. Тургенев сообщает старшему сыну: «Со вчерашнего дня начались экзамены Вани, итак теперь наверное могу сказать, что через две недели мы выедем в Питер» [24. С. 143].

По результатам экзамена Иван оказался третьим из 13 студентов, и одним из 6, переведенных на второй курс. Но тут от его имени поступает прошение о возвращении ему документов и выдаче свидетельства для перевода в Петербургский университет: «Поступив в сей университет в число своекоштных студентов по экзамену в октябре месяце 1833-го года; а как ныне имею желание поступить для слушания профессорских лекций в Санкт-Петербургский университет, то прошу оное Правление, уволив меня из университета, снабдить надлежащим о учении моем свидетельством, с возвращением представленных мною при вступлении документов» [6. С. 340—341] (10).

Дело в том, что отец решил перевести его в С.-Петербургский университет для совместного жительства со старшим братом Николаем, который еще в конце 1833 г. определен был в столице в артиллерийское училище для последующего вступления в лейб-гвардии конную артиллерию. 18 (30) июля Иван Тургенев подал прошение о зачислении его своекоштным студентом С.-Петербургского университета (11) и был принят на первый курс, откуда по его новому прошению в сентябре (12) переведен на второй курс после сдачи переходных экзаменов.

Появился в этом учебном году «новенький» и среди преподавателей: для чтения курса древней и средневековой истории в университет принят... Н.В. Гоголь. О нем будет сказано далее, а пока особо следует отметить А.А. Фишера, которому был поручен курс философии. Приехавший в Россию когда-то на положении гувернера, немец Адам Фишер стал у нас в итоге профессором философии в Главном педагогическом институте, затем и в созданном на его основе университете. Свои лекции он читал сначала на французском языке, а затем перешел на русский, что более соответствовало духу нового направления Министерства народного просвещения. Именно он первым ввел идеи С.С. Уварова в состав российского любомудрия, изложив осенью 1834 г. в программной речи «О ходе образования в России и об участии, какое должна принять в нем философия» свой философский «символ веры».

«После сказанного мною, — заявил ординарный профессор Фишер на торжественном собрании в университете 20 сентября, обращаясь к аудитории на французском, — думаю, нельзя уже сомневаться, чтоб основания эти не были: священное уважение к религии, непоколебимая верность монарху и безусловное повиновение существующим законам» (13). Эта речь продемонстрировала коллегам Адама Фишера, что значит для философии принять «должное» направление: министерская инструкция получала «обоснование», а философия обретала статус благонадежной науки.

В начале учебного курса 1834/35 г. Фишер собирался приступить к чтению истории философских систем, но университетское начальство почему-то отменило эти лекции, уже объявленные в расписании. Тогда студенты юридического и филологического факультетов обратились в совет университета с прошением, в котором называли лекции Фишера «для себя в высшей степени полезными» и ходатайствовали о том, «чтобы совет разрешил ему чтение обещанной истории философских систем», долженствовавшей завершить «их философское образование столь же удовлетворительным образом» [3. С. 23] (14).

Профессор Фишер, вспоминал сокурсник Тургенева, «по фигуре своей всегда важный, высокого роста, в белом галстуке и синем виц-мундире», «казался нам крайне ученым мужем», — «читал нам антропологию и метафизику» [18. С. 463]. Иван Тургенев завел тетрадь, обозначив на обложке «Метафизика» и добавив пояснение: «Сокращение метафизических положений, читаемых в С.-Петербургском императорском университете ординарным профессором Фишером» [23. С. 226]. Вскоре листы стали покрываться торопливыми записями: «Всякое отправление духа, возбуждающее внутреннее чувство, происходит во времени, и как бы скоро оно не проходило, однако ж имеет какую-либо продолжительность», «Для большей ясности представим на особой таблице сии категории и суждения с протекающими от них понятиями и идеями, кои сим понятиям соответствуют, дабы воззреть всё вышепоказанное одним взглядом» [23. С. 227]. В итоге исписанными оказались 104 страницы. А вскоре студент делает набросок первой автобиографии (вероятно, в ноябре 1835 г.): «Мне 17 лет было тому с неделю. Я хочу написать все, что я знаю о себе, — всю мою жизнь. Для чего я это делаю — две причины. Во-первых, читал недавно „Les Confessions“ de J.J. Rousseau. Во мне возродилась мысль написать и свою Исповедь; во-вторых, написав свою жизнь теперь, я не стану трогать этой тетради лет до пятидесяти (если доживу), и тогда мне наверное приятно будет вспомнить, что думал, что я мечтал в то время, когда я писал эти строки. Итак, сделаю exordium, необходимое всюду, я начинаю...» [25. С. 401]. Но далее одного абзаца после этого краткого введения дело не пошло.

1836 год был для Тургенева выпускной. Это время в «Мемориале» обозначено кратко: «Я не выдерживаю на кандидата. Действ<ительный> студ<ент>». Летом он держал выпускные экзамены на звание кандидата, но получил по курсу всеобщей истории у профессора И.П. Шульгина низкий балл (2 $\frac{1}{2}$), а потому удостоился звания только «действительного студента». Не в оправдание Тургенева, но в пояснение ситуации следует уделить небольшое внимание курсу всеобщей истории и вернуться в начало обучения Ивана в С.-Петербургском университете.

Дело в том, что к тому времени Н.В. Гоголь возмечтал обогатить науку своим курсом лекций и, не без содействия покровителей, получил должность адъюнкта по кафедре всеобщей истории при С.-Петербургском университете, имея в своем творческом активе лишь несколько беллетристических произведений. Утвержденный в должности 24 июля 1834 г., в сентябре того же года приступивший к чтению лекций, 31 декабря 1835 г. он был уволен «по случаю преобразования» университета... Чем было вызвано столь стремительное завершение ученой карьеры? Здесь уместно обратиться к воспоминаниям студента Тургенева, который был одним из слушателей «адъюнкта» Николая Васильевича: «Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории — и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего

с писателем Гоголем, уже известным нам как автор „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И.П. Шульгин. Как теперь вижу его худую, длинноносую фигуру с двумя высоко торчавшими — в виде ушей — концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения...» [26. С. 67].

Неудивительно, что при таком отношении к курсу всемирная история для многих студентов осталась белым пятном. Итак, по курсу всеобщей истории Тургенев получил низкую отметку. Учившийся вместе с ним Н.М. Колмаков представил ситуацию следующим образом: «Отъезд Гоголя и оставление им лекций были неожиданными и отразились на нас весьма неблагоприятно. Профессор Шульгин на экзамене задавал нам такие вопросы, которые вовсе не входили в программу лекций Гоголя /.../ Ему попался на экзамене вопрос о пытках, или так называемом Божиим суде /.../ Ответ Тургенева не понравился Шульгину /.../ он стал задавать Тургеневу другие вопросы по части хронологии и, разумеется, Шульгин достигнул своего: Тургенев сделал ошибку и получил неодобрительную отметку. Засим и кандидатство его улыбнулось» [18. С. 461—462]. Впрочем, от самого Тургенева у нас нет подробных сведений, а к свидетельствам посторонних следует относиться осторожно, учитывая искажения памяти и часто встречающуюся «студенческую мифологию» о злых профессорах, которые «валят» способных студентов.

По новому Уставу, высочайше утвержденному 26 июля 1835 г., философский факультет объединял филологическое и математическое отделения с четырехлетним курсом обучения вместо прежнего трехлетнего, что дало Тургеневу возможность продлить курс обучения еще на год, получив на это «изустное разрешение» ректора И.П. Шульгина. В мае 1837 г. Тургенев подал ему прошение о допуске его к выпускным испытаниям (15), которые выдержал десятым из 14 казеннокоштных и 5 своекоштных студентов, и получил желаемую степень кандидата, дававшую право на чин 10-го класса, т. е. коллежского секретаря. В журнале заседаний Первого отделения философского факультета 24 июня (6 июля) было отмечено: «Действительный студент Тургенев, выпущенный из университета с сею степенью в прошлом году, с разрешения совета посещавший целый год лекции третьего курса и оказавший на нынешнем испытании отличные или очень хорошие успехи, удостоивается звания кандидата».

После этого Тургенев отправился в деревню с намерением вернуться к 5 сентября для сдачи экзамена: за ним, несмотря на уже состоявшееся положительное решение, все же числился не сданным один экзамен по русской истории, отложенный на осень из-за болезни жены профессора Н.Г. Устрялова. Однако накануне предполагаемого отъезда из Спасского он сломал руку и вынужден был задержаться на полтора месяца. Впрочем, судьба последнего экзамена неизвестна. Зато у Тургенева имелся аттестат, в котором сказано, что при «благонравном поведении» он окончил полный курс учения и показал следующие успехи: «в законе

божеством, политической экономии и русской истории — очень хорошие; в греческой и римской словесности, истории русской литературы, всеобщей истории и французском языке — отличные; и, по окончательном испытании, признан Советом университета достойным степени кандидата 1-го отделения Философского факультета 10-го июля 1837 года...» [6. С. 538].

Удивительно, но философия в перечне дисциплин почему-то отсутствует. Но отныне Тургенев будет везде подписываться «кандидат философии». И в его планах — и формально повысить свой ученый статус, и реально углубиться в философию, пройдя специализированный курс соответствующего обучения. В письме С.М. Фиглеву (26 марта / 7 апреля) 1838 г. он сообщал, что в мае этого года едет за границу — в Берлин, где проведет «года два — буду учиться прилежно и, вернувшись — надеюсь выдержать экзамен в магистры» [Там же. С. 139—140]. Позже, в «Литературных и житейских воспоминаниях» (Баден-Баден. 1868 г.) он объяснял это решение следующим образом: «Окончив курс по филологическому факультету С.-Петербургского университета в 1837 году, я весной 1838 года отправился доучиваться в Берлин. Мне было всего 19 лет; об этой поездке я мечтал давно. Я был убежден, что в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей. Из числа тогдашних преподавателей С.-Петербургского университета не было ни одного, который бы мог поколебать во мне это убеждение; впрочем, они сами были им проникнуты; его придерживалось и министерство, во главе которого стоял граф Уваров, посылавшее на свой счет молодых людей в немецкие университеты» [26. С. 7].

В мае 1838 года Иван Тургенев на корабле «Николай I» отправлялся в Германию. Только начавшись, путешествие едва трагически не оборвалось: корабль «Николай I» загорелся недалеко от немецких берегов. Вяземский впоследствии как бы «простоудушно» рассказывал московским и петербургским знакомым о недостойном поведении юноши во время эвакуации с тонущего корабля, расталкивающего пассажиров и кричавшего «я единственный сын у своей матери!» и «умереть таким молодым, не успев ничего создать!» (16). Как бы там ни было, Тургенев смог продолжить путь к цели своего путешествия и приступить к занятиям в Берлинском университете.

Профессор Московского университета М.П. Погодин, в 1835 г. командированный министерством народного просвещения за границу «с ученой целью», отчеты которого в форме писем публиковались в ведомственном журнале, сообщал, что Берлинский университет считается в настоящее время одним из первых университетов в Германии, и пояснял: «И в самом деле, нигде нет столько ученых знаменитостей, как здесь: Стеффенс, Неандер, Савиньи, Риттер, Ганс, Раумер, Вилькен, кроме натуралистов и медиков Миллера, Мичерлиха, Розе и проч. Университет недавно еще потерял двух первоклассных профессоров: Шлейермахера и Гегеля. На место последнего приглашали Шеллинга, но он не согласился. Преподавателей считается, кажется, слишком 150. Одну и ту же науку читают пять, шесть человек, смотря по тому, кто какую ее часть обработал» [20. С. 546]. Риттера

и Савиньи он назвал «полными хозяевами своего предмета», Штеффенс (Стеффенс) — «один из первых философов в Германии, товарищ и друг Шеллинга», и Погодина пленил «его жар, одушевление, участие, которое он принимает в своих словах, желание сообщить другим истины, в коих он убежден, наконец, его доброе почтенное лицо и приятный голос», и если прочие профессора «преподают, имея свои тетради перед глазами», то «Стеффенс говорит прямо из головы и от сердца» [20. С. 546] (17).

Полезной для понимания университетского уклада той поры является статья в «Журнале министерства народного просвещения» под названием «Устройство юридических факультетов в разных иностранных университетах, и в особенности в Германии». «Все известные учреждения факультетов в разных университетах Европы, — сообщает автор (18), — основаны на двух различных правилах: 1) Учреждения, в коих господствует свобода преподавания и слушания учения (таковы суть университеты Северной Германии); 2) Учреждения в Австрии и других государствах, в коих образ преподавания и слушания уроков определены законом» [27. С. 316]. Описывая северо-германские университеты, автор сообщает, что каждый профессор или доцент «избирает такую науку или часть науки своего факультета, какую заблагорассудит — ту, где он прославился и которая не преподается другими», и чтение курса ведется не по заданным руководствам, а «непосредственно, живой речью», что и записывается слушателями. Также можно было узнать, что профессора или доценты определяются не к кафедре, а к факультету, благодаря чему имеется возможность сделать программу преподавания более гибкой и отвечающей развитию науки. Приглашение профессоров определяется их «славой преподавания или изданием книг», и немецкие университеты борются между собой за лучших наставников, которые, в свою очередь, при обилии предложенных лекций конкурируют между собой за слушателей, для чего имеются и финансовые основания — гонорары по 1—2 луидора с посетителя в семестр. Перед поступлением в университет студенты обязаны сдать экзамены в гимназии по единой для всех программе, которая определяет их готовность к посещению занятий в высшем учебном заведении. После же зачисления они могут произвольно слушать лекции избранного ими факультета (или даже других факультетов) в течение шести семестров: именно такой срок считается достаточным, чтобы усвоить все основные курсы. Окончание университета не предполагает какого-либо экзамена, за исключением тех случаев, когда студент сам пожелает его сдать, чтобы получить ученую степень. Проверка же того, какие знания молодые люди получили в университете и каков их уровень подготовки, происходит при вступлении на службу, где им предстоит сдать экзамены по соответствующему департаменту [27. С. 327].

Среди первых слушателей лекций в Берлинском университете был 24-летний И.В. Киреевский, который в феврале 1830 г. начал слушать лекции профессоров Риттера, Ганса, Шлейермахера, Гегеля. Впрочем, здесь он пробыл всего лишь два месяца. А.И. Кошелев провел здесь несколько недель летом 1831 г., слушая лекции Ганса, Савиньи и Шлейермахера. Весной 1836 г. здесь появился

Грановский. Первый год он провел не записываясь в студенты, занимаясь преимущественно немецким и латинским языками, в зимнем семестре 1836—1837 гг. начал посещать в качестве «слушателя», лекции, выбрав курсы Риттера и Ранке. В июле 1837 г. к нему присоединился Я.М. Неверов. Официальное положение Неверова позволило ему записаться в слушатели университета, но студентом он так и не стал. Осенью 1837 г. в Берлин приехал Н.В. Станкевич. Он снял целый этаж в доме на Neustädtische Kirch-straße возле Dorotheen-Kirche, а Неверов с Грановским разместились в трех комнатах под ним. В это же время вместе с мужем, отставным гвардейским офицером, сюда приехала Елизавета Павловна Фролова, которая вскоре организовала литературно-философский салон, где Станкевич и его друзья познакомились с профессором Карлом Вердером, читавшим в Берлинском университете курсы лекций по гегелевской философии. Осенью 1838 г. Грановский переехал в дом на Kronenstraße, 47, где жил профессор, для частных занятий. В зимнем семестре 1837—1838 гг. Станкевич, Неверов и Грановский выбрали в качестве основных лекции двух университетских профессоров, посещая при этом у Вердера курсы логики и метафизики, а также историю новой философии от Декарта до современности и у Ранке курс новейшей истории, начиная с XVIII столетия. В том же зимнем семестре они посещали лекции по истории искусства, слушали курс философии права, который читал профессор Э. Ганс.

Грановский, получивший от Министерства народного просвещения разрешение на продление своей научной командировки еще на один год, в начале апреля оставил Берлин, выехал в Дрезден, Прагу и Вену для работы с источниками и изучения славянских языков, а Неверов и Станкевич в начале мая отправились в путешествие по Германии. Первоначально они хотели остаться в Саксонии, но по совету врача Станкевича из Дрездена отправились на Рейн, и в курортном городке Бад Эмсе в конце июня произошла их мимолетная встреча с И.С. Тургеневым, который к тому времени еще не достиг основного места своего назначения — Берлина.

Из Эмса Тургенев отправляется в Гейдельберг, где посещает соотечественников — семейство Сухово-Кобылиных, с 1836 г. путешествующих по Европе. В первый визит он рассказывает о своем злключении на море (пожаре на корабле). Из дневника Евдокии Васильевны Сухово-Кобылиной узнаем, что Тургенев «приходил к нам часто, два раза обедал, на третий день опять пришел, побранился с маменькой об Московском университете, говорит, что он полон дураками» [15. С. 340].

Это мнение Тургенева, что Московский университет «полон дураками», часто воспроизводили разного рода описатели его жизни и творчества, умалчивая о том, что произошло далее. А случилось следующее: «маменька при мне такую ему нотацию пропела, что он с тех пор не казал глаз к нам, — и уехал не простясь. Туда и дорога» [Там же]. Реакция «маменьки» — Марии Ивановны (в девичестве Шепелевой) — нам совершенно понятна: в московском доме Сухово-Кобылиных частыми гостями бывали университетские профессора С.Е. Раич и Н.И. Надеждин, занимающиеся с ее детьми, сын Александр только что окончил физико-математи-

ческое отделение философского факультета Московского университета и за представленное сочинение на заданную тему «О равновесии гибкой линии с приложением к цепным мостам» награжден золотой медалью; в отчетах указывалось, что «сей студент на репетициях и годичных экзаменах оказал отличные успехи» и, удостоенный в итоге «за отличные успехи и поведение» степени кандидата, отправляется на три года за границу изучать литературу и философию в университетах Берлина и Гейдельберга.

4 октября 1838 г. Тургенев и Станкевич одновременно записались в студенты и вместе слушали университетские лекции в течение еще одного семестра (19). Станкевич относил свое первое знакомство с Тургеневым ко времени их совместного пребывания в Московском университете, однако сам Тургенев и в «Мемориале», и в «Воспоминаниях о Станкевиче» считал началом знакомства берлинский период 1838 г.: «Меня познакомил с Станкевичем в Берлине Грановский — в 1838-м году, в конце. До того времени я слышал о нем мало /.../ В течение зимы я довольно часто видался с Станкевичем — но не помню, чтоб мы вместе ходили на лекции: он брал *privatissima* у Вердера — а в университет не ходил. Станкевич не очень-то меня жаловал — и гораздо больше знался с Грановским и Неверовым» [7. С. 360].

Весной 1839 г. уехал Грановский, с остановкой на лечение в Зальцбрунне, откуда в Россию, чтобы в сентябре прочесть свою первую лекцию в Московском университете. В конце мая Берлин покинул Неверов через северную Германию, и также в Россию. В июне на лечение в Зальцбрунн отправился и Станкевич, затем на курорты Швейцарии и Италии. Тургенев же продолжал слушать лекции, занимаясь в летнем семестре древними языками (у филологов Цумпта и Бёка), философией и историей (у Вердера и Ранке).

Тургенев слушал у Вердера лекции по истории философии, по логике и метафизике и брал у него частные уроки по философии. Сохранились конспекты лекций Вердера по гегелевской философии и по чистой метафизике, составленные Тургеневым в 1840 г. В письме Грановскому 8 (20) июня 1839 г. сообщает, что, занимаясь наблюдениями над собственным характером, пришел к ряду забавных мыслей, и доводит до сведения своего приятеля, что происходит в Берлине: «Кстати. Вердер дошел до Grund в отделении о Wesen — и я могу сказать, что я изведаль хоть *l'avant-gout* того, что он называет — *die spekulativen Freuden*. Вы не поверите, с каким жадным интересом слушаю я его чтения, как томительно хочется мне достигнуть цели, как мне досадно и вместе радостно, когда всякий раз земля, на которой думаешь стоять твердо, проваливается под ногами — так мне случилось при *Werden, Dasein, Wesen etc.* Я думаю, все эти ощущения Вам знакомы» [6. С. 143].

В этом же письме Тургенев сообщал Грановскому: «Курсы кончаются 1-го августа, по случаю перестройки университета — около 7-го я буду, если бог даст, в Москве — около 15-го мы увидимся» [Там же]. В середине августа 1839 г. Тургенев покинул Германию, затем появился в Петербурге, в Москве. Только в начале 1840 г. он вновь выехал за границу и провёл весну в Риме вместе со Станкевичем,

после чего отправился в Берлин. «Видели ли Вы Вердера? — спрашивает его Станкевич в письме (31 мая (11 июня) 1840 года). — Напишите мне ради Бога, что он читает этот семестр и вышла ли его 1-я часть „Beitrag“. Я готовлюсь, при здоровье, написать о ней известие для русской публики» [28. С. 65]. В письме к Грановскому (18 (30) мая 1840 г.) Тургенев сообщает: «Вердер. Кстати, он мне дает уроки. Дело, слава богу, идет на лад», а также, что помимо этого, он прочел «Philosophie und Christenthum» («Сущность христианства») Фейербаха!: «О славный человек, ей-богу, Этот Ф<ейербах>» [29. С. 188—190].

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев укажет: «В Берлине я пробыл (в два приезда) около двух лет. Из числа русских, слушавших университетские лекции, назову: в течение первого года — Н. Станкевича, Грановского, Фролова; в течение второго — столь известного впоследствии М. Бакунина. Я занимался философией, древними языками, историей и с особенным рвением изучал Гегеля под руководством профессора Вердера» [26. С. 8].

Бакунин появится в Берлине в июле 1840 г. «Я приехал в Берлин, — признавался Тургенев Бакунину в сентябре 1840-го года, — предался науке — первые звезды зажглись на моем небе — и, наконец, я узнал тебя, Бакунин. Нас соединил Станкевич — и смерть не разлучит. Скольким я тебе обязан — я едва ли могу сказать — и не могу сказать: мои чувства ходят еще волнами и не довольно еще утихли, чтобы вылиться в слова» [6. С. 163]. И чуть далее сообщал приятелю: «Ты не поверишь, как я счастлив, что могу говорить тебе — ты. У меня на заглавном листе моей энциклопедии написано: „Станкевич скончался 21-го июня 1840 г.“, а ниже: „я познакомился с Бакуниным 20 июля 1840 г.“» (20).

В конце лета отправляется в Мариенбад — курорт с лечебными водами, и в списке гостей лечебницы («Курлисте») под 19 августа 1840 г. записано: «Herr Ivan Turgéneff, Candidat der Philosophie aus St. Petersburg» остановился в отеле «Гамбург» (21). Отсюда он уехал 12 (24) сентября в Лейпциг, затем Дрезден, снова Берлин, где в октябре 1840 г. появляется М.Н. Катков. На зимний семестр 1840—1841 гг. Бакунин и Ефремов записались в студенты 31 октября, Тургенев вторично занес свое имя в матрикулы 18 ноября, а Катков — 25 ноября 1840 г. О планах на этот семестр Тургенев чуть раньше сообщал Бакунину: «Нам надо будет заняться древними языками. Нам надо будет работать, усердно работать в течение зимы. Я надеюсь, мы проведем ее прекрасно. Университет, занятия, а вечером будем сходиться у твоей сестры, ходить слушать хорошую музыку; составим чтения; Вердер будет к нам приходить. Постой, дай перечеть, сколько месяцев наслаждения, с 1-го октября по 1-е мая — 7 месяцев, 210 дней!» [30. С. 21].

В этом семестре Бакунин намеревался слушать у Вердера курсы логики и истории новой философии (т.е. те же, что раньше посещали Станкевич и Грановский), а кроме того, эстетики у Готы, учения о боговоплощении у Ватке, физики, новейшей истории, заниматься фехтованием и верховой ездой. Бакунин и Тургенев жили в Берлине на одной квартире по Миттельштрассе, 60: «Мы живем с ним в одном доме, в третьем этаже, в одном коридоре друг против друга и работаем вместе от раннего утра до позднего вечера» [1. С. 31].

Бернгардт Икскуль Фиккель, который посещал утренние лекции логики профессора Вердера в Берлине, сообщал в своих воспоминаниях: «На эти лекции являлось немного слушателей; в числе их находилось двое молодых людей, говоривших по-русски. Я вскоре познакомился с ними; это были Иван Тургенев и Михаил Бакунин; они занимались, подобно мне, в этом семестре философией и историей. И оба были восторженные приверженцы гегелевской философии, казавшейся нам в то время ключом к познанию мира. Подобную горячую любовь к занятиям философией могут понять лишь те люди, коих молодость протекла в начале двадцатых и тридцатых годов, но и в них она вызывает теперь улыбку и кажется почти невероятною тем самым лицам, которые ее пережили. Таковыми энтузиастами были Тургенев, Бакунин и я сам; вот почему я и указываю на это обстоятельство, полагая, что подобная восторженная любовь к изучению философии и преувеличение ее значения повлияли на характер и судьбу очень многих, а в том числе и на самого Тургенева. Мы, земляки, скоро познакомились и часто, не менее двух раз о неделю, сходились по вечерам то у меня, то у обоих друзей, живших на одной квартире, для занятия философией и для беседы. Хороший русский чай, в то время редкость в Берлине, и хлеб с холодной говядиной служили материальной придачей этих вечеров; вина мы никогда не пили и несмотря на это просиживали иной раз до раннего утра, увлекшись разговором, переходившим нередко в спор. Тургенев был самый спокойный из нас...» [9. С. 75—76] (22).

Окончание лекций Вердера студенты отметили прощальной серенадой, которая позже будет упомянута Тургеневым в «Письмах из Берлина» (1 марта 1847 г.). Эта серенада и ответная речь Вердера также будут описаны М.Н. Катковым в очерке «Берлинские новости», где они отнесены к 9 (21) мая 1841 г. [31. С. 111—114].

Тургенев собирается в конце весны выехать в Россию. Катков с Ефремовым отправились на воды в Тюрингию, а Бакунин в Галле и Дрезден. Тем временем Тургенев на пароходе «Александра» прибывает в Петербург, лето проводит в Москве и Спасском, откуда отправляется в родовое имение Бакуниных Премухино, пробыв там до октября.

К началу зимнего семестра 1841 г. Катков, Ефремов и Бакунин собрались в Берлине. Главным событием того времени стал приезд в университет Ф.В. Шеллинга, покинувшего Мюнхен, где он до этого преподавал почти пятнадцать лет. Первым из русских его навестил Бакунин, передав поклон от А.П. Елагиной, с которой философ прежде виделся в Карлсбаде. Их беседа продолжалась около получаса, Шеллинг интересовался занятиями Бакунина и пригласил к себе на лекции, а также к более близкому знакомству.

Первая лекция Шеллинга в Берлинском университете состоялась 15 ноября 1841 г. Эта лекция целиком будет напечатана в «Отечественных записках» [32. С. 65—70]. Чуть позже редактор «Отечественных записок» заявит: «Мы надеемся сообщить читателям обстоятельнейшее известие о духе и содержании лекций Шеллинга, обещанное нам нашим берлинским корреспондентом, постоянно посещавшим эти лекции в продолжении всего семестра» [33. С. 38—39] (23). Тем временем Катков в письме к А.А. Краевскому сообщает, что Тургенев занят «пред-

назначаемым также для „Отечественных записок“ переводом речи Шеллинга об изящных искусствах» [10. С. 77] (24).

Но Тургенева нет в Берлине. Обосновавшись в Москве, он посещает литературные кружки и салоны: кружок Т.Н. Грановского, светский салон А.Н. Елагиной (здесь Тургенев встретился раза два с Н.В. Гоголем, познакомился с братьями Киреевскими, с И.С. Аксаковым). «С Константином Сергеевичем Аксаковым я познакомился в Москве, зимою 1841 года. Я только что вернулся из Берлина и был весь, так сказать, пропитан философией Гегеля, которую изучал в течение трех семестров под руководством профессора Вердера. В Москве существовало тогда несколько домов, в которых чуть не каждый вечер происходили словесные препиранья о предметах важных... и ненужных — о предметах отвлеченных и философских, и политических. Люди сходились, спорили долго, горячо и нелепо; время летело; кучера у подъезда зябли; лакеи в передней спали; дамы слушали и не спали, хотя удовольствия ощущали мало; что делали девицы — неизвестно; юноши отсутствовали. Пospоривши всласть, ратоборцы разъезжались — до следующего вечера. В числе их были, как водится, первые теноры, простые баса и хористы; были также и гости без речей. Покойный А.С. Хомяков играл роль первенствующую, роль Рудина. Всё это мне было на руку — недаром же я жил в Берлине, изощрялся в диалектических тонкостях, а потому я, хоть и не в передних рядах, однако высвистывал свою партию тоже. Помню мое первое столкновение с самим великим Алексеем Степанычем: внутренно я робел, но самолюбие меня поддержало. О победе, разумеется, не могло быть речи, но и позорного поражения не потерпел: около полутора или двух часов [старался] [потщился] я разъяснить — частью Х<омяков>у, частью самому себе, каким образом дух (Geist) посредством понятия (Begriff) самого себя ставит или сажает (setzt sich) как природу (Nature). Ни до чего, кажется, не договорился, но и не уступил. Чего же еще было желать? Я попал в цех словоизвергателей, выражаясь щедр<ински>м языком» [26. С. 286].

Весной 1842 г. Бакунин покинул Берлин и переехал в Дрезден, а М.Н. Катков проучился еще один семестр. В июне 1842 г. В.Ф. Одоевский сообщал из Берлина редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому: «Шеллинг произвел большой переворот — гегелисты защищаются крепко, но между ними нет никого, равного силою с Шеллингом. Вердера здесь называют профессором-актером. Партия гегелистов дошла до совершенного атеизма и материализма; отрасль этой партии силится составить отдельное общество от христиан» [21. С. 383]. В это же время в Берлин прибыл магистр юридического факультета Московского университета А.Н. Попов, которому Ю.Ф. Самарин сообщал вскоре в письме из Москвы: «Душевно радуюсь, что вы остаетесь в Берлине; прошу не забывать обещания и посылать нам выписки из лекций Шеллинга... Недавно оттуда приехавшие Мельгунов и Тургенев сказывали, что все порядочные люди приняли сторону Шеллинга, и что Гегель похоронен» [2. С. 292].

А Тургенев тем временем хлопочет о повышении своего академического статуса (25). Сразу по прибытии в Россию Тургенев обращается к А.В. Никитенко,

и из письма видно его намерение получить степень магистра философии: «Я недавно — на прошлой неделе — приехал в Петербург /.../ — Мне хотелось у Вас спросить совета насчет книг, которые я должен получить из-за границы /.../ я завтра ожидаю с пароходом „Александра“ ящик с книгами; хотя я старался выбрать такие, которым, по моему предположению, цензура не представит никаких препятствий — но, быть может — в числе <их> есть и запрещенные: к кому мне обратиться и кто властен позволить мне пропуск этих книг? Я кандидат философии и намерен держать в магистры: эти книги мне необходимы» [6. С. 184].

Магистр — вторая — до 1884 г. (после «кандидата» (26)) ученая степень в России и примерно соответствует нынешнему «кандидату наук». Но в планах Тургенева есть еще одна академическая цель. Афанасий Фет, который в 1838 году поступил в Московский университет, сначала на юридический факультет, затем — на историко-филологическое (словесное) отделение философского факультета, рассказывал, что впервые увидел Тургенева в стенах Московского университета, беседующего с профессором Степаном Петровичем Шевыревым: «В комнату вошел высокого роста молодой человек, темнорусый, в модной тогда „листовской“ прическе и в черном, доверху застегнутом сюртуке. Так как появление его меня нисколько не заинтересовало, то в памяти моей не удержалось ни одного слова из их непродолжительной беседы; помню только, что молодой человек о чем-то просил профессора, и самое воспоминание об этой встрече, вероятно совершенно изгладилось из моей памяти, если бы по уходе его Степан Петрович не сказал: «Какой странный этот Тургенев: на днях он явился со своей поэмой „Параша“, а сегодня хлопочет о получении кафедры философии при Московском университете» [9. С. 152]. Яков Полонский, поступивший в университет в том же году, что и Фет, также стал свидетелем этих хлопот Тургенева: «Я стал навещать Тургенева не как писателя, а как молодого ученого, который (по слухам) приехал в Москву из Берлина, с тем чтоб в университете занять кафедру философии» [16].

В начале 1842 года, предоставив диплом на степень кандидата, данный ему от Петербургского университета, он просил Совет Московского университета допустить его к испытанию на степень магистра философии. Ректор М.Т. Каченовский передал 17 марта его просьбу в 1 отделение философского факультета (отделение словесных наук), декан которого — И.И. Давыдов — сообщил ректору, что отделение находит возможным произвести испытание кандидату Тургеневу на искомую степень, однако прибавил: «Поелику же кафедра философии в университете не открыта и профессора по сему предмету нет, то отделение испрашивает разрешения у высшего начальства на произведение испытания и вместе с тем находит нужным ввести на будущее время преподавание философии» [11. С. 146] (27).

Это сообщение было представлено ректором попечителю Московского учебного округа С.Г. Строганову, который 28 марта ответил, что допущение Тургенева к испытанию на степень магистра философии зависит от самого университетского начальства и не требует разрешения начальства высшего, а потому желательно иметь объяснение: какое именно разрешение, по мнению 1 отделения философ-

ского факультета, нужно в данном случае? На запрос этот, переданный ректором в словесное отделение, которое и обсуждало его 1 апреля, отделение к прежнему своему ответу прибавило, что «оно не принимает на себя ответственности по сему предмету, относя незаемещение кафедры философии в продолжение 15 лет в Московском университете, открытой между тем в других университетах, к особым причинам начальства» [11. С. 147].

На другой день ректор представил попечителю это объяснение отделения. 17 апреля попечитель уведомил ректора, что «ответственность ни в каком случае не может падать на членов университета за неоткрытие той или другой кафедры, ибо это принадлежит усмотрению и распоряжению высшего начальства», и снова требовал объяснения: «на какой именно предмет испрашивало 1-е отделение философского факультета разрешения по поводу поданного кандидатом С.-Петербургского университета г. Тургеневым прошения о допущении его к испытанию на степень магистра философии, тогда как вопрос об экзаменах на ученые степени определен Положением 1839 г. апреля 28». На такой запрос И.И. Давыдов отвечал, что «1-е отделение философского факультета в отзыве, представленном им по поводу прошения кандидата Тургенева о допущении его к экзамену на степень магистра философии, выразило свое сомнение на счет возможности допустить просителя к испытанию в науке, которая в течение 15-ти лет не преподается в университете. Вследствие сего отделение сочло необходимым обратиться к начальству с просьбой разрешить его сомнение и определить: как должно поступать отделение впредь, когда опять явятся лица, желающие подвергнуть себя испытанию на высшие ученые степени из предметов, для которых в университете не существует кафедр» [Там же].

Таким объяснением, подписанным деканом отделения И.И. Давыдовым и секретарем Т.Н. Грановским, и закончилось дело, возникшее вследствие намерения Тургенева приобрести степень магистра философии в Московском университете. Но это формально, по бумагам. Однако следует учесть и неформальный момент. Согласно свидетельству Ф.И. Буслаева, бывшего в то время домашним учителем в семействе С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа, решающую роль в этом деле сыграл именно он: «Раз мне пришлось довольно долго ожидать его выхода из кабинета. Граф появился, наконец, вместе с молодым человеком высокого роста и с длинными красивыми волосами. По уходе последнего Строганов обратился ко мне со словами: „Вот это — молодой ученый Тургенев, недавно возвратившийся из-за границы. Он просил меня разрешить ему читать философию в университете; но я отказал ему за неимением кафедры философии“... Затем Строганов переменил предмет разговора» [34. С. 58] (28).

Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое кафедры философии. В 1826 г. в университете предприняли попытку «восстановить» кафедру философии, поставив во главе ее Давыдова. Еще пять лет тому назад профессор Брянцев ушел в мир иной, а кафедра, где он с 1795 г. читал курс логики и метафизики, так и оставалась вакантной, поскольку министерство никого не утверждало, несмотря на то, что еще в 1822 г. Совет университета избрал Давыдова на кафедру,

и попечитель Оболенский представил его на утверждение высшему начальству. В 1824 г. прошение повторили, о чем Давыдов напомнил новому министру народного просвещения Шишкову в письме от 16 июня 1825 г., сообщив, что Совет снова просит позволить ему чтение хотя бы «логики и истории философии, которые по Уставу университета и правилам для производства в ученые степени поставленным, предписаны и которые в других университетах ныне преподаются» [35. С. 291]. По представлению попечителя учебного округа Писарева Шишков дал согласие на преподавание философии, но при условии контроля со стороны попечителя округа и использовании рекомендованных правительством учебных пособий. В итоге была назначена пробная лекция, для которой Давыдов выбрал тему «О возможности философии как науки», с которой и выступил в Большой аудитории 12 мая 1826 г. в присутствии должностных лиц университета и высокопоставленного ревизора из столицы — графа Сергея Строганова, в то время флигель-адъютанта императора. Строганов приехал в Москву, получив секретное предписание обратить внимание на «вредный образ мыслей», господствовавший между студентами университета и особенно воспитанниками Благородного пансиона, на систему преподавания наук в университете и «благонамеренность самих наставников». Ну а инициированы эти предписания были страхами, посеянными когда-то доносом Магницкого, в частности, на его «Начальные основания логики», изданные в 1821 г. как учебное руководство для воспитанников Благородного пансиона. В итоге из Петербурга поступило приказание Шишкова: «Учинить немедленное распоряжение о прекращении преподавания профессором Московского университета Давыдовым логики и истории философии», от попечителя Московского учебного округа А.А. Писарева (29) потребовали докладную об образе мыслей и нравственности профессора Давыдова и поручительство за него. В итоге Шишков доложил императору о произведенной проверке и предложил оставить Давыдова в университете, но избрать его на другую должность. После того как император с этим предложением согласился, 6 октября 1827 г. Давыдов вынужден был перейти на физико-математическое отделение, где стал читать курс математики... Через три года руководство университета сделало доклад в министерство о разрешении читать в университете курс философии, однако одобрения не получило, так что кафедра философии оставалась вакантной. Ее-то и хотел занять Тургенев, предварительно попытавшись получить в Московском университете необходимую для этого ученую степень магистра философии.

Потерпев здесь неудачу, 26 марта (7 апреля) он отправился в Петербург, где 31 марта (12 апреля) подал прошение на имя ректора Петербургского университета П.А. Плетнева о допуске к испытаниям на степень магистра философии: «Желая получить степень магистра философии, покорнейше прошу Ваше превосходительство допустить меня к испытанию. При сем прилагаю копию с аттестата, выданного мне 10-го июля 1837-го года под № 1468-м Санкт-Петербургским университетом на степень кандидата» [6. С. 344].

В Петербурге Тургенев остановился на квартире старшего брата Николая в Графском переулке. Экзамены предстояло сдать в период с 8 (20) апреля

по 5 (17) мая. Первый экзамен у него должен был быть по философии. Обстоятельства подготовки он сообщает Алексею и Александру Бакуниным в письме: «Я здесь с 30-го марта. На будущей неделе у меня экзамен из философии — я готовлюсь и никого не вижу /.../ Брат мне отвел прекрасную комнату с камином и тремя, заметьте — тремя волтеровскими креслами /.../ я блаженствую и с трепетным, тайным, восторженным удовольствием наслаждаюсь уединением — и работаю — много работаю. Например, вчера съел за один присест Декарта, Спинозу и Лейбница; Лейбниц у меня еще бурчит в желудке — а я себе на здоровье скушал Канта — и принялся за Фихте: но этот человек несколько черств, и потому я, для отдыха — пишу к вам письмо» [Там же. С. 192—193].

8 апреля 1842 г. Тургенев на отлично ответил экзаменационной комиссии (в составе декана факультета и четырех профессоров) на вопросы: 1. «Что есть философия, ее содержание». 2. «Истина субъективная». 3. «Изложение сущности философии Платоновой». 4. «О методе философствования в разные времена» [13. С. 6]. Вскоре братья Бакунины получили письмо: «Объявляю вам, что я выдержал экзамен из философии блестящим образом — то есть наговорил с три короба разных общих мест — и привел профессоров в восторг, хотя я уверен, что все специально-ученые (историки, математики и т. д.) не могли внутренне не презирать и философию и меня: да, помилуйте, я бы их стал презирать, если б они меня не презирали!..» [6. С. 193].

Следующий экзамен (по латинской словесности) Тургенев держал 1 мая. Профессор Фрейтаг предложил ему прочитать, перевести и объяснить отрывок из элегии Тибулла. В отметке, полученной Иваном Сергеевичем на этом экзамене, значилось: «Перевод и изъяснение сделаны хорошо». Испытания по греческой словесности. Экзаменационная комиссия единогласно признала, что перевод и изъяснение отрывков из «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида сделаны Тургеневым «очень хорошо». После устных экзаменов 5 мая начались письменные испытания. От профессора Фишера был задан такой вопрос: «Показать внутренние причины беспрестанно возникающего пантеизма и привести его многообразные формы, данные в истории философии, к немногим видам» [13. С. 7]. Тургенев дал краткий очерк истории возникновения и развития этого философского воззрения, начав свой обзор с представителей ионической школы и кончив «новейшим пантеизмом», под которым разумел учение Фейербаха (30). На следующем письменном экзамене профессор Фрейтаг поставил перед Тургеневым вопросы о степени влияния греческой философии и литературы на римскую: «Что в философии римляне сами сделали и что они переняли у греков?», «Что римляне в литературе заимствовали у греков?» [13. С. 8]. Если ответ на вопрос Фишера был дан на русском, то теперь Тургенев должен был писать на латыни (31). Наконец последним в письменных испытаниях был вопрос, предложенный профессором Грефе: «Что достоверного может почерпнуть история из произведений поэтов?». Начало ответа Тургенев писал на латыни, а затем перешел на немецкий язык (32).

Однако для получения степени магистра от соискателя требовали еще, помимо устных и письменных экзаменов, представления диссертации. Но ее

Тургенев не представил. Вскоре «кандидат философии» уходит в сторону, далекую от университетской жизни: подает прошение на имя министра внутренних дел Л.А. Перовского о поступлении на службу в Министерство внутренних дел: «Желая поступить в Министерство внутренних дел и не имея в наличности диплома на звание кандидата философии, выданного мне здешним университетом, копию с которого я обязываюсь в скором времени представить, покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство по случаю моего прошения приказать учинить следующее распоряжение. Кандидат философии Иван Тургенев» [6. С. 344]. В связи с этим прошением Перовский обратился к министру народного просвещения с запросом, имеет ли Тургенев право поступить на службу в Министерство внутренних дел. Министр народного просвещения ответил, что Тургенев выдержал магистерские экзамены, в недалеком будущем должен защищать диссертацию и тогда получит право на поступление в Министерство внутренних дел, не подчиняясь ограничениям. Летом 1843 г. Перовский причислил Тургенева к своему министерству, назначив «для занятий по Особенной канцелярии министра», а указом Правительствующего сената Тургенев был утвержден в чине коллежского секретаря.

В 1844 г. появился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где нашел свое отражение его «философский роман» с сестрой Бакунина (33). А в апреле 1845 г. Тургенев вышел в отставку в звании «отставного коллежского секретаря». Чуть ранее он начал — по итогам визита в Москву — статью (так и не завершенную) о напечатанных в «Москвитянине» (№ 1, 2—3) работах И.В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» и «Обозрение современного состояния литературы», написал рецензию на издание «Фауста» Гете (34), где высказал, среди прочего, свои философические наблюдения: «„Фауст“ — великое произведение. Оно является нам самым полным выражением эпохи, которая в Европе не повторится, — той эпохи, когда общество дошло до отрицания самого себя, когда всякий гражданин превратился в человека, когда началась, наконец, борьба между старым и новым временем и люди, кроме человеческого разума и природы, не признавали ничего непоколебимого. Французы на деле осуществили эту автономию человеческого разума; немцы — в теории, в философии и поэзии» [25. С. 215]. Кроме перевода первой части «Фауста» и изложения второй, Вронченко поместил в своей книге большую статью под заглавием: «Обзор обеих частей „Фауста“», на что Тургенев заметил: «Не можем не пожалеть, что почтенный переводчик почел за нужное напечатать эту статью. В этом „Обзоре“ неприятно поражает читателя какое-то странное озлобление против философии и разума вообще и против немецких ученых в особенности. Г-н Вронченко называет их „толковниками“ и уверяет, „что нет сомнения, и из Бовы-Королевича выйдет подтверждение какой угодно философической системы“» [Там же. С. 220].

Затем им предпринята поездка в Германию, чтобы присутствовать на предстоявших выступлениях П. Виардо в Берлинской опере, благодаря чему вскоре появляются его «Письма из Берлина» (Письмо первое, 1 марта 1847), где он не без грусти подводит итоги, фиксирует изменение интеллектуальной атмосферы.

В то время как «наружность» Берлина не изменилась, видны большие «внутренние» перемены: «Помните ли восторженные описания лекций Вердера, ночной серенады под его окнами, его речей, студенческих слез и криков? Помните? Ну, так смотрите же, помните хорошенько, потому что здесь все эти невинные проделки давным-давно позабыты. Участие, некогда возбуждаемое в юных и старых сердцах чисто спекулятивной философией, исчезло совершенно — по крайней мере в юных сердцах. В сороковом году с волнением ожидали Шеллинга, шикали с ожесточением на первой лекции Шталя, воодушевлялись при одном имени Вердера /.../ с благоговением слушали Стеффенса; теперь же на лекции Шталя никто не ходит, Шеллинг умолк, Стеффенс умер /.../ Один Вердер с прежним жаром комментирует логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи из 2-й части „Фауста“; но увы! — перед „тремя“ слушателями, из которых только один немец, и тот из Померании /.../ литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена» (35).

И сам Тургенев отходит от философии все далее и далее, выбрав стезю не академического деятеля, а писателя. Отныне носителями и выразителями философских идей становятся его персонажи, и Тургенев получает больше возможностей для воздействия на умы современников, чем те, которые он имел бы, получив степень магистра философии и заняв университетскую кафедру. Так что фиаско в академической философии в полной мере компенсировалось впоследствии превращением в писателя и получением мирового признания.

© Ванчугов В.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) И чуть далее: «Проза его звучна, как музыка, как глубокая музыка Бетховена; а в ряде его романов — „Рудин“, „Дворянское гнездо“, „Накануне“, „Отцы и дети“, „Дым“ и „Новь“ — мы имеем быстро развивающуюся картину „делавших историю“ представителей образованного класса начиная с 1848 года. Все типы очерчены с такой философской глубиной и знанием человеческой природы и с такою художественною тонкостью, которые не имеют ничего равного ни в какой другой литературе» [12. С. 398—399].
- (2) «Я был очень самолюбивый и избалованный мальчик, вырос в довольно богатом доме и потому, поступив в пансион, поспешил сблизиться с одним князьком, предметом особенных попечений Винтеркеллера, да еще с двумя-тремя маленькими аристократами, а со всеми другими важничал». [См.: 7. С. 59].
- (3) Тщеславный человек (фр.).
- (4) «Различие между изящными искусствами и науками» (1828, № 5), «О предмете физики» (1828, № 6), «Содержание и расположение физики» (1828, № 7).
- (5) Позже он напишет о Павлове: Щуровский Г.Ф. Михаил Григорьевич Павлов / Г.Ф. Щуровский, К.Ф. Рулье, Я.Н. Калиновский // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку: ч. 1—2 / [ред. орд. проф. С. Шевырев]. М.: Университет. тип., 1855. Ч. 2. С. 183—199.

- (6) По результатам ревизии Уваров представил 4 декабря 1832 г. отчет императору: «Главные предметы, на кои я обратил особое внимание: нравственность, ученье и общий дух университета».
- (7) См. также: Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 838.
- (8) В феврале 1834 г. состоялось Высочайшее утверждение «Положения о гражданских мундирах»: «§88. Студентам и воспитанникам всех учебных заведений, под ведомством Министерства народного просвещения состоящих, иметь мундир темно-зеленого сукна, с темно-синим суконым же воротником, с золотыми или серебряными петлицами из галуна, по округам. Покрой, как мундиров, так и положенных студентам и воспитанникам сюртуков, иметь ныне существующий и носить им фуражки суконные темно-зеленые с околышком по цвету воротника». В мае Указ Николая I о введении в университете должностей инспектора студентов и пяти его помощников, подчинявшихся непосредственно попечителю. Ношение формы для студентов стало обязательным и в университете, и вне его (Полное собрание законов Российской империи. II. Т. IX. № 6860).
- (9) В конце мая — начале июня 1875 г. Стасюлевич с согласия Тургенева подписал контракт с издателем его сочинений Ф.И. Салаевым на выпуск шестого тома «Русской библиотеки», посвященного Тургеневу. К писателю он обратился с просьбой написать для этого тома свою автобиографию.
- (10) Экзамены и прием Тургенева в Московский университет состоялись не в октябре, а в сентябре 1833 г.
- (11) «Поступив в 1833-м году в число своекошных студентов Московского университета для продолжения наук по Словесному факультету и быв в нынешнем году, после экзаменов, переведен из числа первогодичных студентов во второй курс, ныне имею желание поступить в число своекошных студентов С.-Петербургского университета по Историко-филологическому факультету и покорнейше прошу Ваше превосходительство сделать о сем надлежащее распоряжение» [6. С. 341].
- (12) «Пробыв год в Московском университете и выдержав надлежащий экзамен для перехода из первого курса во второй, в доказательство чего подан мною в правление Ст.-Петербургского университета аттестат и надлежащие бумаги, прошу Ваше превосходительство позволить мне держать экзамен для вступления во второй курс Историко-филологического факультета» [6. С. 342].
- (13) Журнал министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. № 1.
- (14) Примечательно, что инициатор этого прошения, Т.Н. Грановский, несколько лет спустя писал из Берлина своему товарищу по Петербургскому университету В.В. Григорьеву: «Признаюсь тебе, я не знал, что такое философия, пока не приехал сюда. Ф<ишер> читал нам какую-то другую науку, пользы которой я теперь решительно не понимаю» [3. С. 18].
- (15) Это возможно было сделать на основании § 35 Устава: «Получивший звание действительного студента имеет право не ранее года подвергнуться вновь испытанию на степень кандидата из предметов главных, причем освобождается от повторения экзамена из предметов дополнительных».
- (16) В рассказе «Пожар на море» (Буживаль. 17 июня 1883 г.), ставшем предсмертной исповедью Тургенева, нет и напоминания о криках пострадавшего про «единственного сына у матери» или каком-либо другом малодушии, проявленном героем рассказа. Там так: «Я с оцепенением смотрел на красную пену, которая клокотала подо мною и брызги которой долетали мне в лицо, и говорил себе: „Так вот где придется погибнуть в девятнадцать лет!“ — потому что я твердо решился лучше утонуть, чем испечься».
- (17) Свои впечатления от посещения лекций Берлинского университета Погодин позже изложит в статье «Университет и Академия наук в Берлине»: Москвитянин. 1846. № 11—12. С. 114—139. О посещении университета в Бонне: ЖМНП. 1836. № 7. С. 218—225.

- (18) Автор публикации в оглавлении журнала указан буквами М. Б.
- (19) В одном из писем в ноябре 1838 г. Станкевич сообщал: «На этих днях я начал уже посещать лекции, записавшись по форме в здешние студенты. Мне выдали студенческий диплом и знаменитую карточку, по предъявлении которой студент не может быть арестован, ни в каком случае, полициею: она только доносит его начальству. Разумеется, что мне с нею нечего делать, но все это свято бережется как напоминание. Профессора особенно вежливы к нам, иностранцам, и дают нам всегда лучшие места на лекциях»: Переписка Н.В. Станкевича. 1830—1840. М., 1914. С. 79.
- (20) [6. С. 164—165]. На книге: Hegel G.W.F. *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*, 3-te Ausgabe. Heidelberg, 1830. На заглавном листе этой книги его рукою написано: «N. Stankewitsch ist am 24-ten Jtmi 1840 gestorben», а ниже: «Ich bin mit M. Bakunin am 25 Juli bekannt geworden <Я познакомился с М. Бакуниным 25 июля>».
- (21) См.: Климова Д.М. Комментарии: И.С. Тургенев. Автобиографические материалы. Мемориал // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 457.
- (22) Впервые опубликовано в «*Baltische Monatschrift*», XXXI, 1884, В. I, № 1, под инициалами Б.У.Ф.
- (23) Но этого не следует, поскольку из-за отсутствия средств и обремененности долгами Катков не сможет более оставаться за границей и примет решение вернуться в Россию.
- (24) Перевод этот неизвестен. В библиотеке Тургенева имеются некоторые сочинения Шеллинга.
- (25) Я хочу быть профессором философии! (Погорельский, Строганов.) Экзамен на магистра. — Еду держать его в Петербург за отказом Давыдова. Выдерживаю. (Грефф, Фишер.) // Тургенев И.С. Автобиографические материалы. Мемориал // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 11. С. 199.
- (26) Студенты, окончившие полный курс университета с отличными успехами и представившие диссертацию, одобренную факультетом, получали степень «кандидата» и оставлялись при университете для получения магистерского и профессорского звания.
- (27) См. также: [34. С. 56].
- (28) От себя Буслаев добавил: «Я думаю... что графа остановили также слишком молодые годы Тургенева, которому не было тогда 25 лет».
- (29) А.А. Писарев (1780—1848) — генерал, военный губернатор Варшавы, в 1826—1833 гг. попечитель Московского учебного округа и Московского университета.
- (30) Полный текст ответа: [13. С. 9—18]. Вспомним письмо Грановскому от 18 (30) мая 1840 г.): «/.../ прочел „*Philosophie und Christenthum*“ Фейербаха! О славный человек, ей-богу, Этот Ф<ейербах>».
- (31) Полный текст ответа: [13. С. 18—20, 20—21]. Далее дан перевод на русском.
- (32) Кроме указанной работы (Лисовский Н.М. Новые материалы для биографии И.С. Тургенева) см. также: Егурнов А.Н. Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене [в Петербургском университете, 1842 г.] // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собр. соч. и писем И.С. Тургенева / гл. ред. М.П. Алексеев; ред. и др. М.: Наука, 1964; Т. 2: Тургеневский сборник / ред. Н.В. Измайлов, Л.Н. Назарова. М.: Наука, 1966. С. 87—108.
- (33) Впервые опубликовано: Отечественные Записки, 1844, № 11, отд. I, С. 109—134, с подписью: Т. Л. (ценз. разр. 30 октября 1844 г.).
- (34) Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург. Опубликовано: Отечественные Записки, 1845, т. XXXVIII, № 2, отд. V. С. 40—66.
- (35) Впервые опубликовано в «Современнике», 1847, № 3, отд. «Смесь», С. 46—49, с подписью «Т.» (в оглавлении «И. Т-в»). «Письма из Берлина», судя по заглавию и помете

«Письмо первое» в печатном тексте, должны были составить целую серию; но дальнейших писем Тургенев за все пребывание в Берлине, откуда он выехал 13 (25) мая, сопровождая больного Белинского, не напечатал и, по всем вероятностям, не написал, несмотря на обещание в конце первого письма. Тургенев И.С. Письма из Берлина // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1978. Т. 1. С. 291—294.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. М., 1935.
- [2] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888—1910. Кн. 6. 1892.
- [3] *Григорьев В.В.* Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа. 1856. Т. III. отд. «Смесь».
- [4] Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1.
- [5] Иван Сергеевич Тургенев и Москва. Сборник статей. М.: Русский путь, 2009.
- [6] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в восемнадцати томах. Издание второе, исправленное и дополненное. М., Наука, 1982. Том 1: Письма 1831—1849.
- [7] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1980. Т. 5.
- [8] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1981. Т. 6.
- [9] Тургенев И.С. в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Худ. лит., 1983. Т. 1.
- [10] *Неведенский С.* Катков и его время. СПб., 1888.
- [11] История русской литературы. VIII. Иван Сергеевич Тургенев: I. Попытка его получить степень магистра философии, в 1842 г. Сообщ. профес. Нил Алексан. Попов // Русская старина. Т. 28. Вып. 5—8. 1880.
- [12] *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988.
- [13] *Лисовский Н.М.* Новые материалы для биографии И.С. Тургенева. СПб., 1892.
- [14] Мнемозина. 1825. Ч. IV.
- [15] Литературное наследство: И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1967. Т. 76.
- [16] Мои студенческие воспоминания // Полонский Я.П. Проза. М.: Советская Россия, 1988.
- [17] *Надеждин Н.И.* Сочинение в двух томах (Т. I: Эстетика. Т. II: Философия). СПб., 2000.
- [18] Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова с 1816-го г. // Русская старина. Т. 70. Выпуск 4—6. 1891.
- [19] Переписка Н.В. Станкевича. 1830—1840. М., 1914.
- [20] Письмо. Орд. Проф. Московского Университета Погодина, из Германии // Журнал министерства народного просвещения. 1835. № 9.
- [21] *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. I. Ч. I. М., 1913.
- [22] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. 1825—1855. Отд. I. 1825—1839. СПб., 2-е изд., 1875.
- [23] Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Выпуск 1. М.-Л.: Наука, 1964.
- [24] Тургеневский сборник под редакцией А.Ф. Кони. Издание Тургеневского об-ва. Петербург, Кооперативное изд-во литераторов и ученых, 1921.
- [25] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1978. Т. 1.
- [26] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1983. Т. 11.
- [27] Журнал министерства народного просвещения. 1834. № 8.

- [28] Переписка И.С. Тургенева. В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1986.
- [29] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л. 1961. Т. 1.
- [30] *Тургенев И.С.* Собрание сочинений. Т. 12. М., 1956.
- [31] Отечественные Записки. 1841. № 6. «Смесь».
- [32] Первая лекция Шеллинга в Берлине // Отечественные записки. 1842. Т. XX. № 2.
- [33] Отечественные записки. 1842. Т. XXII. Отд. VII. «Смесь».
- [34] *Гутьяр Н.М.* Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1907.
- [35] Прощение И.И. Давыдова министру народного просвещения А.С. Шишкову // Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-145-171

“I WANT TO BE A PHILOSOPHY PROFESSOR” OR THE STORY OF ONE OF THE A.S. TURGENEV’S “PROJECTS”

V.V. Vanchugov

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The article devotes to the initial stage of I.S. Turgenev’s creativity path, when he intended to devote himself to philosophy. The first part of the historical and philosophical research covers the studentship stage of his life, Turgenev’s involvement to the University course of philosophy primarily in Moscow, then in St. Petersburg universities. Everything happened at Moscow University due to Professor M.G. Pavlov, Shelling’s philosophy follower, who was teaching physics in a philosophical format. He listened course of lectures on metaphysics at St.-Petersburg University, given by A. A. Fisher, who was one of the first who started to teach philosophy in accordance with Uvarov’s ideological triade “Orthodoxy, Autocracy and Nationality”. The second part touches upon the period of education abroad. After he had finished the philological faculty of St.-Petersburg University in 1837, he became convinced that Russian universities could provide only preliminary education and real source of knowledge could be found only abroad; that is why he goes “to finish his education” in Berlin. There he studied ancient languages, history and Hegel’s philosophy under the guidance of Professor Werder. Turgenev also prepared different parts of Shelling’s teaching for publishing in Russian periodic, after famous philosopher had given lectures in University of Berlin. The last part of this article gives a picture of Turgenev attempts to receive masters’ degree and tries to take place at the Department of Philosophy. At the beginning of 1842, after presenting the diploma of candidate, granted by St.-Petersburg University, he asked Moscow University Council to give him a permission to receive the masters’ degree; his utter motive was to occupy the place at the Department of Philosophy, which was vacant for a long time. But he failed to do so in Moscow and moved to St.-Petersburg, where he tried to pass exams needed to get degree again. However, he failed again due to not giving the dissertation work; as the result, he didn’t receive masters’ degree and, furthermore, he dedicated himself entirely to literature. However, Turgenev saved his interest to philosophical problems, which he tried to solve in prose format.

Key words: education, university, student, candidate, master, professor, department, educational process, exam, lecture, ideology, philosophy

REFERENCES

- [1] Bakunin MA. *Sobranie sochinenii i pisem*. Vol. 3. Moscow, 1935. (In Russ.).
- [2] Barsukov NP. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina*. In 22 vols. St. Petersburg. 1888—1910. V. 6. 1892. (In Russ.).

- [3] Grigor'ev VV. TN Granovskii do ego professorstva v Moskve. *Russkaya beseda*. 1856. V. III. "Smes". (In Russ.).
- [4] *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1834. Part 1. (In Russ.).
- [5] *Ivan Sergeevich Turgenev i Moskva. Sbornik statei*. Moscow: Russkii put'; 2009. (In Russ.).
- [6] Turgenev IS. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh. Pis'ma v vosemnadsati tomakh*. 2nd ed. Moscow: Nauka; 1982. V. 1: Letters 1831—1849. (In Russ.).
- [7] Turgenev IS. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh*. Moscow: Nauka; 1980. V. 5. (In Russ.).
- [8] Turgenev IS. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh*. Moscow: Nauka; 1981. V. 6. (In Russ.).
- [9] *Turgenev IS v vospominaniyakh sovremennikov*. In 2 vols. Moscow: Khud. lit.; 1983. V. 1. (In Russ.).
- [10] Nevedenskii S. *Katkov i ego vremya*. St. Peterburg, 1888. (In Russ.).
- [11] *Istoriya russkoi literatury*. VIII. Ivan Sergeevich Turgenev: I. Popytka ego poluchit' stepen' magistra filosofii, v 1842 g. Soobshch. profes. Nil Aleksan. Popov. *Russkaya starina*. V. 28; (5—8). 1880. (In Russ.).
- [12] Kropotkin PA. *Zapiski revolyutsionera*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1988. (In Russ.).
- [13] Lisovskii HM. *Novye materialy dlya biografii IS Turgeneva*. St. Petersburg, 1892. (In Russ.).
- [14] *Mnemozina*. 1825. Part. IV. (In Russ.).
- [15] *Literaturnoe nasledstvo: IS. Turgenev: Novye materialy i issledovaniya*. AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A.M. Gor'kogo. Moscow: Nauka; 1967. V. 76. (In Russ.).
- [16] *Moi studencheskie vospominaniya*. Polonskii YaP. *Proza*. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1988. (In Russ.).
- [17] Nadezhdin NI. *Sochinenie v dvukh tomakh* (Т. I: Estetika. Т. II: Filosofiya). St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
- [18] *Ocherki i vospominanii H.M. Kolmakova s 1816-go g.* *Russkaya starina*. V.70;(4—6). 1891. (In Russ.).
- [19] *Perepiska NV Stankevicha*. 1830—1840. Moscow; 1914. (In Russ.).
- [20] *Pis'mo*. Ord. Prof. Moskovskogo Universiteta Pogodina, iz Germanii. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1835;9. (In Russ.).
- [21] Sakulin PN. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V.F. Odoevskii. Myslitel'. Pisatel'*. V. I, pt. I. Moscow; 1913. (In Russ.).
- [22] *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. V. 2. 1825—1855. pt. I. 1825—1839. 2nd ed. St. Petersburg, 1875. (In Russ.).
- [23] *Turgenevskii sbornik: Materialy k Polnomu sobraniyu sochinenii i pisem I.S. Turgeneva*. Part 1. Moscow—Leningrad; 1964. (In Russ.).
- [24] *Turgenevskii sbornik pod redaktsiei A.F. Koni. Izdanie Turgenevskogo ob-va*. Peterburg, Kooperativnoe izd-vo literatorov i uchenykh, 1921. (In Russ.).
- [25] Turgenev IS. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh*. Moscow: Nauka, 1978. V. 1. (In Russ.).
- [26] Turgenev IS. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati tomakh*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. V. 11. (In Russ.).
- [27] *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1834;8. (In Russ.).
- [28] *Perepiska IS Turgeneva*. In 2 v. V. 1. Moscow: Khud. lit.; 1986. (In Russ.).
- [29] Turgenev IS. *Poln. sobr. soch. i pisem*. in 28 vols. Moscow; Leningrad; 1961. V. 1. (In Russ.).
- [30] Turgenev IS. *Sobranie sochinenii*. V. 12. Moscow, 1956. (In Russ.).
- [31] *Otechestvennye Zapiski*. 1841: 6. (In Russ.).
- [32] *Pervaya lektiya Shellinga v Berline. Otechestvennye zapiski*. 1842. XX;(2). (In Russ.).
- [33] *Otechestvennye zapiski*. 1842. XXII;(VII). (In Russ.).

- [34] Gut'yar NM. *Ivan Sergeevich Turgenev*. Yur'ev: tip. K. Mattisena; 1907. (In Russ.).
- [35] Proshenie II Davydova ministru narodnogo prosveshcheniya A.S. Shishkovu. *Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'*. Moscow; 2012. (In Russ.).

Для цитирования: *Ванчугов В.В.* «Хочу быть профессором философии»... История одного «проекта» И.С. Тургенева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. No 2. С. 145—171. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-145-171.

For citation: Vanchugov V.V. “I want to be a philosophy professor” or the story of one of the A.S. Turgenev’s “projects”. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (2): 145—171. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-2-145-171.

Сведения об авторе:

Ванчугов Василий Викторович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории русской философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: vanchugov@gmail.com).